
Гж. В. Колодко

СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ ИЛИ КОРРУМПИРОВАННЫЙ КЛАНОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ?

Пример эволюции Китая, страны, на которую приходится по паритету покупательной способности почти пятая часть мирового производства, противоречит традиционным взглядам, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, если это социализм, то устранение дефицитов в его экономике оказалось возможным без изменения системы. Во-вторых, если это капитализм, то он может существовать и экономически реально процветать и без демократии.

Рост и развитие

На Западе Китай по-прежнему чаще всего бессмысленно называют коммунистической страной, как в профессиональной литературе, так и в политических комментариях. Эта ошибка происходит из-за простого приравнивания однопартийной системы и коммунистического государства, а также из-за значимости государственного сектора в коммунистической экономике.

В наши дни в Китае можно купить как чашку с рисом, так и последнюю модель Ferrari; достаточно иметь деньги или покупательную способность, которая сбалансирована на рынке предложением. Более того, Китай успешно вышел из экономики дефицитов, практически не испытав *дефицитофляции*, которая оказала такое разрушительное воздействие на экономику европейских социалистических стран, и при этом пока не смогла радикально ужесточить бюджетные ограничения.

Об этом лучше всего свидетельствует растущая задолженность сектора предприятий, колеблющаяся в районе 170% ВВП. Большая ее часть – кредиторская задолженность государственных предприя-

---

Гжегож В. Колодко – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER, иностранный член Российской академии наук, член Международного совета журнала «Мир перемен» (г. Варшава).

тий или государственных корпораций (компаний с мажоритарным государственным пакетом акций). Поэтому пример Китая показывает, что можно избавиться от синдрома дефицита, создав либеральную систему цен и эластичную цену при сохранении значительного сектора государственных предприятий. В этой среде госпредприятия функционируют среди ощутимых, хотя и не в полном смысле слова жестких бюджетных ограничений. Как между белым и черным есть целая палитра цветов и оттенков, так и между мягкими и жесткими бюджетными ограничениями есть различия.

Свободная рыночная экономика необходима, но недостаточна для демократии. Политкорректность требует сформулировать и обратное утверждение: демократия – неотъемлемый атрибут свободной рыночной экономики, и, по сути, она способствует эффективности, следовательно, экономическому росту, хотя сам по себе рынок не гарантирует от нечестности и сама по себе демократия не дает гарантий против глупости. Однако если оставить в стороне политкорректность, которая не используется наукой при поиске истины, данные утверждения должны быть, по крайней мере, поставлены под сомнение, если не полностью отвергнуты. На самом деле экономическому росту способствуют правильные решения, принимаемые как на микроуровне, т.е. в управлении предприятиями, где никто не думает о демократии, так и на макроуровне, при осуществлении экономической политики, которая в современном западном капитализме постоянно вязнет в демократических дискуссиях. Недостаточно отстаивать правое дело (и те, кто приходят к власти в результате демократических выборов, часто как раз неправы), нужно также иметь большинство.

Опыт показывает, что сама по себе демократия ни в коем случае не гарантирует правильных решений, а зачастую она даже усложняет процесс их принятия. Не случайно финансовый кризис на рубеже первого и второго десятилетия XXI в. был вызван страной, где господствует либеральная демократия – США. Из этого не следует, что демократией не надо дорожить; на самом деле демократия ценна даже когда она затрудняет принятие рациональных экономических решений. Это, конечно же, не означает, что отсутствие демократии способствует экономическому росту. Такое может произойти, но совсем не обязательно. И в наши дни это случается редко.

Трудно вспомнить какие-то другие примеры, кроме Сингапура (страна до недавнего времени не была демократической) и еще нескольких относительно успешных ближневосточных государств, таких как Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Оман или Кувейт, где рынок довольно гладко функционирует без демократии, и, что следует подчеркнуть, это происходит при явно доминирующей роли государственного сектора. Однако то, что так есть сейчас, не означает, что так будет продолжаться и в будущем. Арабская весна с начала

этого десятилетия терпит неудачу, но в некоторых геополитических зонах времен года больше, чем четыре...

В Китае, хотя его политическая система не демократическая, поскольку она на самом деле авторитарная, дела идут хорошо; за более чем поколение страна добилась экономического роста, который каждые 10 лет более чем удваивает стоимость производства и потребления. Если рассматривать экономический рост, то Срединная империя – самый большой успех в истории человечества. Ничего подобного в таких масштабах никогда не происходило в прошлом и никогда не случится в будущем в таком масштабе и для такого количества людей. Случай с Китаем подтверждает, что решающее значение для динамичного долгосрочного социально-экономического развития имеет надлежащая синергия рынка и государства, творческая гармония рыночной спонтанности и государственного регулирования. Что означает «правильная синергия», зависит от контекста. Единого универсального правила нет; каждая страна должна выработать собственную синергию с учетом культурного, исторического, геополитического и экологического контекста¹.

Рассматривая отношения собственности в качестве решающего критерия, Я. Корнай считает, что китайскому капитализму уже 10 лет. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, в частном секторе была произведена большая часть национального дохода уже в конце предыдущего столетия, в 1998 г.

Если такая динамика изменений структуры собственности сохранилась бы, то в настоящее время к частному сектору относилась бы преобладающая часть активов, следовательно, также преобладающая часть производства, занятости и доходов бюджета. Однако это не так, потому что темпы расширения частного сектора в Китае примерно в течение 10 лет замедляются. В некотором роде это естественно, поскольку частный сектор растет тем медленнее, чем меньше активов остается для денационализации (табл. 1). Но это только один фактор, а другой заключается в том, что Коммунистическая партия Китая сознательно ограничивает масштабы приватизации государственных активов, считая, что сохранение их в распоряжении государства или, по крайней мере, под его контролем будет лучше служить государственным стратегическим целям, которые, по мнению партии, сводятся к развитию и укреплению социализма, а совсем не к его демонтажу.

Доля частного сектора в настоящее время ненамного больше, чем 10 лет назад; этот показатель колеблется на уровне более 2/3 ВВП. По официальным источникам, частный бизнес генерирует более 60% ВВП Китая и обеспечивает более 80% рабочих мест. Согласно данным Национального бюро статистики, в первой половине 2017 г. инвестиции

---

¹ Kolodko G.W. *Whither the World: Political Economy of the Future*. Palgrave Macmillan. New-York. 2014.

Таблица 1
Соотношение частного и государственного секторов в Китае (в % от общей добавленной стоимости, по формам собственности)

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	Изменение
<i>Несельскохозяйственный бизнес-сектор</i>							
Частный сектор	43,0	45,3	47,7	51,8	54,6	57,1	+14,1
Госсектор (в широком смысле)	57,0	54,7	52,3	48,2	45,4	42,9	-14,1
В том числе:							
государственный	40,5	40,1	39,6	37,1	35,2	34,1	-6,4
коллективный	16,5	14,7	12,7	11,2	10,1	8,8	-7,7
<i>Бизнес-сектор</i>							
Частный сектор	53,5	54,9	56,3	59,4	61,5	63,3	+9,8
Госсектор (в широком смысле)	46,5	45,1	43,7	40,6	38,5	36,7	-9,8
В том числе:							
государственный	33,1	33,0	33,1	31,2	29,9	29,2	-3,9
коллективный	13,4	12,1	10,6	9,4	8,6	7,5	-5,9
<i>В целом по экономике</i>							
Частный сектор	50,4	51,5	52,8	55,5	57,4	59,2	+8,8
Госсектор (в широком смысле)	49,6	48,5	47,2	44,5	42,6	40,8	-8,8
В том числе:							
государственный	36,9	37,1	37,3	35,7	34,6	33,7	-3,2
коллективный	12,7	11,3	10,0	8,8	8,0	7,1	-5,6

Источник: <http://homepage.ntu.edu.tw/~lbh/ref/OECD/42.pdf>

частного сектора выросли на 7,2% по сравнению с первой половиной прошлого года, что составляет 60,7% от общих расходов. В то же время китайские власти подчеркивают высокую значимость государственного сектора. Стоимость активов госпредприятий превышает 150 трлн юаней (23,1 трлн долл.), что эквивалентно китайскому ВВП в течение двух лет (в соответствии с текущим рыночным обменным курсом), а инвестиции госпредприятий в исследования и разработки составляют 25% от общей суммы². Китайский центр государственно-частного партнерства (ГЧП) сообщает, что в 2017 г. было реализовано более 13,5 тыс. проектов ГЧП на сумму 16,3 трлн юаней (2,5 трлн долл.).

Нет никаких оснований подвергать сомнению эти данные, особенно учитывая, что других у нас нет. Однако из-за китайской классификации форм бизнеса, структура экономики страны по критерию собственности стала еще более сложной. Отнесение предприятия к государственной или частной собственности часто решается простым соглашением. Дело тем самым очень усложняется, так как во многих случаях трудно четко определить: частная это собственность или государственная? Даже при классификации существует целый спектр промежуточных и смешанных форм. Различия между государственными и частными нечеткие, отличительные черты этих категорий размыты, и границы между секторами становятся подвижными.

Здесь особый акцент делается не только на традиционных признаках форм собственности, но и на различиях в сфере управления предприятиями и государственного управления корпорациями³. Бывает, что государство фактически осуществляет управление корпоративной структурой поверх формального частного собственника, а государственное предприятие (чаще со смешанной собственностью) может фактически управляться частной компанией, которая в основном заботится о своих собственных доходах, а не о доходах государства и о достижении других государственных целей, таких как занятость, охрана окружающей среды или вклад в социальную сплоченность.

Показательно, что, когда я искал текущие данные, необходимые для анализа данной темы, один из китайских экономистов сказал мне: «По мере того, как государственный и частный сектора постепенно смешиваются, в Китае больше не подчеркивают права собственности в большинстве отраслей промышленности и прекратили публикацию соответствующей статистической информации. Поэтому рассчитать долю данных секторов в ВВП нелегко. Во многих исследованиях используются только такие показатели, как количество предприятий,

---

² China's private sector regains strength on optimistic economic outlook // China Daily. Aug. 2 (http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-08/02/content_30328022.htm).

³ *Baltowski M., Kwiatkowski Gr. Przedsiębiorstwa państwowe we współczesnej gospodarce.* 2018. Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa.

инвестиции в основные активы, налоги, доход от основной деятельности и суммарные показатели стоимости активов промышленных предприятий государственного и частного секторов».

По множеству форм собственности в Китае, включая гибридные, которые одни авторы квалифицируют как частные, а другие – предпочитают видеть в группе госпредприятий, имеются данные о количестве занятых и его изменениях в 1978–2016 гг. в соответствующей группе предприятий. В настоящее время статистическая служба правительства выделяет следующие десять видов собственности:

- госпредприятия;
- коллективные предприятия;
- кооперативные предприятия;
- предприятия со смешанной собственностью;
- компании с ограниченной ответственностью;
- корпорации с ограниченной ответственностью;
- частные предприятия;
- предприятия, финансируемые из Гонконга, Макао и Тайваня;
- предприятия, финансируемые из-за рубежа;
- самозанятые индивидуалы.

Без тщательного анализа и компромиссной трактовки названия типа предприятия в некоторых случаях невозможно однозначно определить, в частной или государственной собственности находится предприятие. Такое упрощенное деление уже просто не работает.

Стоит добавить, что за все время проведения радикальных реформ, начатых в 1978 г. Дэн Сяопином⁴, экономический рост Китая в значительной мере был результатом повышения производительности не-сельскохозяйственных секторов экономики. Однако такой огромный экономический успех был бы невозможен без фундаментальных изменений в сельском хозяйстве, где эффективность работы также динамично повышалась. Оба эти процесса сопровождались наибольшей миграцией в истории, в ходе которой сотни миллионов крестьян покинули сельскую местность и переехали в города. В настоящее время городское население уже составляет большинство населения Китая – 58%. Но еще большее значение для экономического роста, чем перемещение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, имел переход собственности на средства производства от государственных предприятий к частным компаниям⁵.

---

⁴ *Vogel E. Deng Xiaoping and the Transformation of China // The Belknap Press for Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts – London. 2013.*

⁵ *Lardy N. R. Markets Over Mao: The Rise of Private Business in China. Peterson Institute of International Economies. Washington, D. C. 2014.; Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. The Economy of People's Republic of China from 1953 // NBER Working Paper. No. 21 397. 2015. Jul.*

Я. Корнаи сформулировал свое мнение о Китае как о капиталистической экономике 10 лет назад, основываясь на данных о быстром росте частного сектора, который уже в 2001 г. стал преобладающим в экономике страны⁶. Я сам тогда придерживался мнения, что после вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. «Китай выбрал курс на полноценную рыночную экономику»⁷, а позже пришел к выводу, что такой шаг возможен только в капиталистической экономике⁸, с чем некоторые авторы принципиально не соглашались, утверждая, что пример Китая доказывает возможность быть одновременно и полноценной рыночной экономикой, и социалистическим строем.

Говоря о полнокровной рыночной экономике, я имел в виду ее более сложную и институционально развитую форму, чем та, которой Китай достиг в настоящее время. Оказывается, путь к зрелому рынку длиннее, чем мы думаем. ВТО по-прежнему не предоставляет Китаю статус рыночной экономики, хотя подавляющее большинство стран – членов организации поддерживают наделение таким статусом Китая, что справедливо. Впрочем, этого пока трудно ожидать, учитывая, что президент США Д. Трамп считает Китай вместе с Россией державами-соперниками своей страны. К тому же и Европейский союз продолжает проявлять сдержанность при предоставлении Китаю официального статуса рыночной экономики.

Между тем одни весьма скептически относятся к экономической, социальной и политической реальности Китая, указывая на явления, нарушающие стандарты рыночной экономики ВТО: манипуляции с обменным курсом и на валютном рынке; ограничения на организацию свободных профсоюзов и забастовок; огромный корпоративный долг и избыточные производственные мощности в некоторых секторах. Другие подчеркивают спасение сотен миллионов людей от нищеты и возможность для широких масс использовать рыночные механизмы получения выгоды от экономического роста. Третьи ссылаются на авторитарный, а порой и репрессивный характер политической системы Китая⁹, четвертые утверждают, что Китай представляет собой скорее функциональную меритократию¹⁰.

---

⁶ Kornai J. *From Socialism to Capitalism* / Central European University Press. Budapest – New-York. 2008.

⁷ Kolodko Gr. W. *Truth, Errors and Lies: Politics and Economics in a Volatile World*. Columbia University Press. New-York. 2011. P. 229.

⁸ Kolodko Gr. *Whither the World: Political Economy of the Future*. P. 146–170.

⁹ Ringen S. *The Perfect Dictatorship: China in the 21st Century*. Hong Kong University Press. Hong Kong. 2016.

¹⁰ Bell D. A. *The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*. Princeton University Press. Princeton. NJ. 2015.

Некоторые обозреватели высказывают опасения, что масштабная программа, известная под названием Нового шелкового пути¹¹, – это проявление китайского империализма, другие – ссылаются на помощь, которую Китай предоставляет бедным странам в борьбе за преодоление отсталости, которая часто оказывается результатом предшествующей капиталистической эксплуатации. В одних случаях проявляется излишний энтузиазм при оценке успехов и международной конкурентоспособности китайских частных высокотехнологичных компаний, в других – акцентируются далеко не единичные случаи нарушения интеллектуальной собственности.

Поэтому у нас есть сомнения относительно определения современной китайской системы. У Я. Корнаи таких сомнений не было, поскольку он пришел к выводу, что при всех недостатках китайского рынка страна уже более 10 лет назад была капиталистической. Он утверждает, что исходя не только из соотношений между основными секторами экономики, государственным и частным, но и из того, что дефициты в стране преодолены. Ход его рассуждений понятен: в Китае нет никаких дефицитов, поскольку это уже капитализм с довольно жесткими бюджетными ограничениями, что доказывается преобладанием частного сектора в экономике.

Среди китайских экономистов мнения в данном случае разделились. Подавляющее большинство открыто поддерживает то, что декларирует партия. Многие из них, в частном порядке, понимают, что в окружающей их действительности все больше и больше основ капитализма. Тем не менее они подходят к идее не столько идеологически, сколько прагматично. Называйте как хотите, а существенны эффективность и конкурентоспособность, а не идеологические и политические споры. ВТО может по-прежнему несправедливо считать, что это не рыночная экономика, однако на самом деле сложился именно рынок с китайскими особенностями, суть (и, очевидно, превосходство) которого Запад понять не может.

На происходящее нужно взглянуть шире, поскольку доля частной собственности в экономике отнюдь не единственный критерий для утверждения о ее социалистическом или капиталистическом характере. Не менее важны природа и функции государства, и они могут

---

¹¹ Новый шелковый путь, или официально «Один пояс – один путь», представляет собой обширную программу инвестиций в инфраструктуру, которая должна способствовать торговле между Китаем и его зарубежными партнерами на западе, юге и севере. Программа охватывает 65 стран Азии, Ближнего Востока, Северной и Восточной Африки, Восточной и Центральной Европы (так называемая инициатива 16 + 1, включающая 16 постсоциалистических стран: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия, Македония, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия и Словения).

быть разными для разных уровней производства и занятости в частном секторе. В конкретных случаях их доля в ВВП может быть относительно больше в стране А, чем в стране В, но в то же время характер государства, его функции, задачи и деятельность определяют, что элементы, характерные для социализма, преобладают. Чтобы найти ответ, нужен более широкий подход. В частности, необходимо оценить масштабы вмешательства государства в экономику. Можно выделить несколько типов такого вмешательства.

Так, классическое социалистическое государство дополняют еще четыре типа вмешательства в форме обеспечения¹²:

- общественных благ;
- макроэкономической стабилизации;
- социальных прав;
- стимулирования развития.

Не углубляясь в анализ данных типов, будем исходить из того, что сами их названия приводят к выводу об их присутствии в Китае. Две первые формы вмешательства – предоставление общественных благ и забота о макроэкономической стабильности – бесспорно, составляют предмет ответственности государства и при капитализме, с чем согласны даже неолиберальные экономисты (хотя они, несомненно, будут спорить с коллегами социал-либералами о том, какие из широкого круга товаров и услуг действительно должны признаваться общественными благами). Последние две формы – обеспечение социальных прав и стимулирование развития – ассоциируются с функциями социалистического государства. Или, что еще более усложняет тему, с государственным капитализмом¹³. Это показывает, насколько относительно граница между некоторыми понятиями. Разумеется, с такой точки зрения Китай относится к категории социалистической экономики, в отличие от государственного капитализма ближневосточного типа, как, например, в Саудовской Аравии или среднеазиатского, как в Казахстане.

Во всяком случае, на долгом пути от ортодоксального социализма к либеральному капитализму, который длиннее, чем он казался вначале, есть много промежуточных остановок, наиболее значимые из которых – рыночный социализм и государственный капитализм. Чтобы еще более запутать ситуацию, скажу, что они частично перекрываются, т.е. в одном и том же месте и периоде, что-то уже есть, а чего-то еще нет.

---

¹² *Block F. The Roles of the State in the Economy / N. J. Smelser R. Swedberg (Eds.) // The Handbook of Economic Sociology. Princeton University Press. Princeton. NJ. 1994.*

¹³ *Bremmer I. The end of the free market. Who wins the war between states and corporations? Portfolio. New-York. 2010.*

Куда идет Китай и какое до этого дело другим?

Китай активно участвует в реформировании разваливающейся глобальной системы управления¹⁴. Если глобализация необратима – а это так, – то императивом на ближайшие годы становится ее реинституционализация¹⁵. Несомненно, Пекин будет играть важную роль в этом деле, хотя оно определено и не будет «глобализацией с китайской спецификой». Поразительно, что в одно и то же время американский президент, присягая на ступенях Капитолия США, кричит: «Америка прежде всего!», а на Глобальном экономическом форуме в Давосе президент якобы коммунистического Китая заявляет, что его страна выступает за свободную торговлю и за новую глобализацию – не ту, которую пропагандируют неолибералы и которая обогащает немногих богатых за счет многих бедных, а ту, которая выгодна всем.

Китайцы позаимствовали западный лозунг «беспроигрышная глобализация» (*win-win globalization*). Циники отмечают, что это *win-win* (дословно *победить-победить*), которое, кстати, по случайному совпадению, приятно и знакомо звучит на китайском, будет означать 2:0 в пользу Китая. Но главное, что за этим лозунгом стоит идея всеобъемлющей («инклюзивной») глобализации, в которой Китай в ближайшие десятилетия, несомненно, сыграет одну из ведущих ролей. Это одна из целей программы Нового шелкового пути, которая разворачивается с большим размахом и с привлечением как государственного, так и частного бизнеса. Это не по-социалистически и не по-капиталистически, но, безусловно, очень прагматично.

Глобально растущая экономическая мощь Китая хорошо заметна во многом. Не все осознают, например, значение того существенного изменения в структуре крупнейших мировых корпораций, которое произошло примерно за 10 последних лет и которое состоит в более чем двукратном увеличении количества госпредприятий среди 500 крупнейших компаний мира, – в основном за счет динамики китайских компаний (табл. 2).

В 2004 г. из 49 государственных предприятий, вошедших в список *Fortune Global 500* (10%), китайскими были 14, а в 2016 г. в группе из 101 глобально важных государственных предприятий (20%) насчитывается 76 китайских (табл. 3). И снова возникает вопрос: признак ли это расширения социализма или государственного капитализма?

Тем не менее эволюция системы и политика, проводимая как часть этой эволюции в Срединной империи, будут подчинены не созданию мировой власти Китая, а чему-то другому. То, что важно сей-

¹⁴ *Xinzheng Lan*. Setting the Course // *China Today*. 2017. Nov. P. 22–25.

¹⁵ *Kolodko Gr. W.* Institutions, Policies and Growth // *Rivista di Politica Economica*. 2004. May–June. P. 45–79.

Таблица 2

Госпредприятия отдельных стран в списке 500 крупнейших мировых корпораций *Fortune Global 500* в 2004–2016 гг.

Страна/ год	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016
Китай	14	22	32	52	72	78	76
Индия	4	5	5	5	5	5	4
Россия	1	2	3	3	3	4	3
Франция	6	4	4	3	3	3	3
Япония	2	2	2	2	2	2	2
Бразилия	2	2	2	2	2	2	2
Мексика	2	2	2	2	2	2	1
Германия	6	4	5	3	2	2	1
Южная Корея	1	1	1	1	2	2	1

Источник: *Baltowski M., Kwiatkowski Gr.* Op. cit; по данным *Fortune Global 500* // CNN Money // <http://fortune.com/global500>, разные годы.

Таблица 3

Изменения доли госпредприятий среди 500 крупнейших предприятий мира

Показатель	2004		2016	
	Количество	Доля в %	Количество	Доля в %
Госпредприятия	49	9,8	101	20,2
Оборот, млрд долл.	1,342	8,0	5 959	21,6
Занятые, тыс.	8,855	18,4	20,117	30,1
Чистая прибыль, млрд долл.	75,9	8,2	247,0	16,3

Источник: *Baltowski. M., Kwiatkowski Gr.* Op. cit. Table 7.4.

час и будет важно в обозримом будущем, – это улучшение внутренней экономической ситуации. Китайское выражение *mei hao sheng huo*, которое можно перевести как «лучшая жизнь» или «счастливая жизнь», было 14 раз использовано китайским лидером Си Цзиньпином в его вступительном докладе на XIX Национальном съезде Коммунистической партии Китая в октябре 2017 г. Он подчеркнул, что «социалистическая демократия Китая самая широкая, самая подлин-

ная и наиболее эффективная демократия для защиты коренных интересов народа. Мы должны не просто механически копировать политические системы других стран»¹⁶. Отвергая правило «один размер подходит для всех», присущее неолиберальному Вашингтону, он добавил с характерной китайской образностью: «Только владелец знает, подходят туфли или нет»¹⁷.

Справедливо отвергая обувь не по размеру, в которую его пытаются обути, осознавая свои незаурядные достижения и силу и в то же время ощущая потребности других стран в поисках эффективного пути развития, Китай предлагает себя в качестве лидера в этих поисках и социализм в качестве цели. «Представление Си о «великой современной социалистической стране», цель которой – победа социализма над капитализмом, не только позволяет Китаю избежать ловушки усредненного дохода, но и служит ориентиром для других социалистических стран»¹⁸. На съезде партии, которую он возглавляет, Си Цзиньпин сказал: «Путь, теория, система и культура социализма с китайской спецификой продолжают развиваться, открывая для других развивающихся стран и народов новые пути достижения модернизации. Он предлагает новый выбор для других стран и народов, которые хотят ускорить свое развитие, сохраняя при этом независимость; и он предлагает китайскую мудрость и китайский подход для решения проблем, стоящих перед человечеством»¹⁹.

Китай стремится заимствовать из-за рубежа не только передовые технологии, но и популярные понятия и выражения. Неудивительно, что президент страны и председатель Коммунистической партии Китая в одном лице обрисовал «дорожную карту» на ближайшие десятилетия²⁰. Осуждая в принципе одну из худших сторон реальной экономики Китая, которая больше связывается иностранными обозревателями с капитализмом, чем с социализмом, а именно широко-масштабную коррупцию, за которую в последние пять лет были различными способами наказаны ни много ни мало 1,4 млн человек (!), Си Цзиньпин показал, как «в два гигантских шага» Китай станет в 2050 г. «великой современной социалистической страной». «Социализм с китайской спецификой для новой эпохи» уже существует, сейчас строится «великая современная социалистическая страна».

---

¹⁶ *Xi Jinping*. China's socialist democracy the most effective. Xinhua reports on President Xi's report at the 19th Party Congress this morning // Xinhua 2017. 18 Oct.

¹⁷ Xi Jinping and His Era // China Daily. 2017. Nov. 18–19.

¹⁸ Ibid. P. 7.

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ *Zhang Hui*. The 19th CPC National Congress Draws Blueprint for National Development // China Today. 2017. Nov. P. 23.

К сожалению, из партийных документов и официальных правительственных материалов мы не можем узнать подробнее, что означают эти два гигантских шага, за исключением того, что в ближайшее время, в 2020 г., в Китае будет «общество, умеренно процветающее во всех отношениях», а затем, после 2035 г., будет проведена «социалистическая модернизация», и на протяжении следующих 15 лет к 2050 г. будет создана «великая современная социалистическая страна, – процветающая, сильная, демократическая, культурно развитая, гармоничная и красивая»²¹.

Если предположить, что в Китае уже существует социальная рыночная экономика²² или, как предпочитают называть ее китайские власти, социализм с китайской спецификой для новой эпохи, то такие амбициозные представления (или, скорее, планы), конечно, со многими оговорками, может быть, стоит рассмотреть. Однако если предположить, что в Китае капитализм с китайской спецификой или даже совершенно коррумпированный капитализм²³, тогда мы столкнемся с совершенно другими вопросами.

Я считаю, что дискуссии о том, капитализм это или социализм, в отношении Китая становятся все менее и менее плодотворными и только вводят нас в заблуждение. Если каждый экономист соглашается с тем, что собственность на средства производства имеет ключевое значение для функционирования экономики, то каждый хороший экономист должен согласиться и с тем, что не менее важны культура, институты и политика. Это, с одной стороны, делает несколько неясной общую картину и объект анализа, но с другой – как раз облегчает анализ, поскольку обогащает поле наблюдения, добавляя новые элементы. В конце концов, все происходит так, как происходит, потому что многое происходит одновременно...

Между тем нельзя не согласиться как с некоторыми китайскими экономистами²⁴, так и с критически настроенными внешними на-

---

²¹ Xi Jinping and His Era. P. 5.

²² Berger R., Chong Ju Cho, Herstein R. China's Social Market Economy: The Leverage of Economic Growth // The International Journal of Asian Business and Information Management. 2013. Vol. 4. Issue 1. P. 21–30.

²³ Minxin Pei. China's Crony Capitalism: The Dynamics of Regime Decay / Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts – London, England. 2016.

²⁴ Lin Justin Yifu. Lessons of China's Transition from a Planned to a Market Economy // Distinguished Lectures Series. 2004. No. 16. Leon Kozminski Academy of Entrepreneurship and Management. Warsaw (www.tiger.edu.pl/publikacje/dist/lin.pdf); Lin Justin Yifu. Demystifying the Chinese Economy. Cambridge University Press. Cambridge. 2012; Huang Yukon. Cracking the China Conundrum: Why Conventional Economic Wisdom Is Wrong. Oxford University Press. New-York. 2017.

блюдателями²⁵, которые показывают особую специфику Китая и пытаются объяснить, что и почему там происходит, не используя для определения существующего порядка категории «социализм» и «капитализм». Я сам склонен идти в этом направлении, формулируя теорию и практические рекомендации для нового прагматизма также для Китая²⁶. Фактически, в данном случае четкий ответ на вопрос «социализм или капитализм» мало даст для понимания сущности происходящих процессов; ключом служит типично китайский комментарий: «с китайскими характеристиками». Поэтому наблюдаемое ужесточение идеологической и политической позиции тем более интересно в ситуации, когда в интеллектуальном и академическом сообществе открываются новые области диалога. Мы слышали от китайского лидера на съезде правящей партии, что «социализм с китайской спецификой – это социализм и никакой другой ”-изм”»²⁷.

Я считаю, что споры с формулировкой «капитализм *против* социализма» – это, с одной стороны, особое наследие периода «холодной войны», которую реальный социализм, очевидно, проиграл, а реальный капитализм, очевидно, выиграл. Однако это не означает конца истории²⁸, поскольку история будет с нами до тех пор, пока мы окружены конфликтами интересов и сопутствующими столкновениями. И это хорошо, так как экономисты будут нужны всегда, потому что везде, где есть конфликт интересов, есть место для их исследований и деятельности. Кроме того, сказанное не означает, что эти два режима неизбежно должны быть в постоянной конфронтации, от оков которой так трудно освободиться.

Некоторое время назад проходили оживленные дискуссии по трем альтернативным системным преобразовательным мегатрендам: *дивергенции, субвергенции, конвергенции*.

Первый термин, предположительно, описывает случай, когда существовали противоборствующие системы, капитализм и социализм, и задача заключалась в том, чтобы сделать их сосуществование мирным. Во втором случае одна система должна была доминировать над другой, и, хотя многие некоторое время считали, что доминировать будет социализм, все произошло иначе. В третьем случае должна

---

²⁵ Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. Penguin Books. New-York. 2009.; Moody A. Prescient author now rules the roost // China Daily. 2017. Nov. 17. P. 20.

²⁶ Kolodko Gr. W. Will China Save the World? // Roubini EconoMonitor. 2017. May 24 (<http://www.economonitor.com/blog/2017/05/will-china-save-the-world/>).

²⁷ Цит. по: Berthold R. About the 19th National Congress of the CPC // China Today. 2017. Nov. P. 30–31.

²⁸ Fukuyama F. The End of History // The National Interest. 1989. Summer (<http://www.wesjones.com/eoh.htm>).

произойти системная конвергенция, причем каждая система использует и ассимилирует некоторые элементы, в том числе и культурные, от другой и наоборот, и после длительного исторического процесса две системы станут более похожими. Конечно, это частично и происходило, поскольку различные аспекты капитализма были приняты социализмом и, напротив, определенные особенности социализма «перетекли» в реальный капитализм и там закрепились. Это особенно касается социальной переориентации капиталистического строя, который в наши дни значительно отличается от того, что описал в «Оливере Твисте» Ч. Диккенс или через полвека Раймон в «Обетованной земле».

* * *

Несомненно, Китай значительно уменьшил долю государственной собственности, хотя она по-прежнему доминирует в банковском секторе, и разделение между государственным и частным секторами очень нечеткое. Как бы то ни было, но страна уже не эгалитарная, какой она пыталась быть во времена Мао. В Китае ограниченная экономическая демократия и система участия в управлении и прибылях, страна живет в условиях внутренней и международной рыночной дисциплины. Сохраняется расширенный контроль над экономическими параметрами с помощью традиционных инструментов рыночной экономической политики²⁹, такими как фискальная и денежно-кредитная политика, управление процентными ставками и обменными курсами, установление цен и инвестиции госпредприятий, а также некоторые формы прямого контроля. Следовательно, оправдано утверждение, что Китай – это переходная экономика от социализма, в различных его формах, к рыночному капитализму³⁰. Но как долго может продолжаться данный «переход»? В постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы он занял одно-два десятилетия. А в Китае? Это будет одно или два поколения? Или, может быть, целое столетие или даже два?

Когда во время знакового визита американского президента Р. Никсона в Пекин в 1972 г. премьер-министра Китая Чжоу Эньлая спросили о влиянии Французской революции на его страну, хотя с тех пор прошло 180 лет, он ответил: «Пока еще рано говорить». И это было не в первый раз, когда китайцы демонстрировали уникальную способность рассматривать все в очень длительной перспективе, в контексте исторических процессов. Так и сейчас: еще слишком

---

²⁹ *Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design. North Holland Publishing Company. Amsterdam. 1956.*

³⁰ *Nuti D. M. The Rise and Fall of Socialism. DOC-RI. Berlin. 2018.*

рано оценивать влияние распада Советского Союза и постсоциалистических преобразований в Центральной и Восточной Европе на будущий курс Китая...

В наши дни Китай переживает своего рода конвергенцию. Он переживает процесс постепенного слияния социальной и экономической реальности с тем, что называют основами капитализма, но капитализм отвергается или даже иногда вытесняется типичным социалистическим менталитетом. Можно сказать, что в стране развивается некий гибрид в форме социалистического капитализма или, если хотите, капиталистического социализма; такой себе «китаизм». Это звучит как терминологическое противоречие? Ни в коем случае; мы просто застряли в ментальной ловушке одной острой, но в то же время ложной альтернативы: социализм или капитализм – и третьего не дано. *Tertium non datur*. Между тем вполне может возникнуть и нечто системно отличное, но по своей природе не полностью лишенное элементов этих двух систем.

Не отказываясь от конкретных ценностей, которые различаются в разных местах этого меняющегося мира, но неизменно направляют людей и общества в экономической деятельности, и, помня о необходимости сохранения общего динамического баланса, следует признать, что для экономики наибольшее значение имеют эффективность и прагматизм. Именно это имел в виду Дэн Сяопин, сказав: «Неважно, черная кошка или белая, главное, чтобы она ловила мышей».

Третьего не дано.